

ПРОСТОР

ISSN
0131—5587

≡ 3
1984

В номере:

Стихи молодых

**«Без свидетелей» —
роман Николая Корсунова**

**Юрий Герт. Уроки астрономии.
Из книги о юности**

Пост «Простора» в Павлодаре

**Ильяс Есенберлин.
«Золотая Орда», роман**

Страницы истории Алма-Аты

Казахский ученый М.-С. Бабаджанов

Недавно исполнилось 150 лет со дня рождения Мухамед-Салиха Бабаджанова. Он оставил небольшое, но весьма ценное научное наследие по истории изучения материальной и духовной жизни казахов Западного Казахстана.

Бабаджанов был последовательным борником дружбы русского и казахского народов, пропагандировал русскую культуру, ратовал за всяческое распространение просвещения среди казахов. Знакомил русских читателей со страниц научных журналов и столичных газет с укладом жизни казахов Волго-Уральского междуречья. Его научная и просветительская деятельность была тесно связана с передовыми учеными России третьей четверти XIX века и с Русским географическим обществом, членом-сотрудником которого он был последние десять лет своей недолгой жизни. Кстати, М.-С. Бабаджанов был первым казахским ученым, награжденным серебряной медалью этого общества — «за значительное содействие трудам отделения этнографии и между прочим доставлением статей о быте киргизов (т. е. казахов) и разных этнографических предметов».

Мухамед-Салих Караулович Бабаджанов родился в 1832 году на землях Внутренней (Букеевской) орды. Биография его, к сожалению, очень мало разработана. Он закончил русско-казахскую школу в Ханской ставке (ныне г. Урда), а с 1845 по 1851 год учился на Азиатском отделении Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, после успешного окончания которого пять лет служил писарем и переводчиком при временном столе Оренбургской Пограничной комиссии по управлению Внутренней ордой. Председателем этого административного учреждения был известный русский ученый-востоковед В. В. Григорьев. С 1856 по 1862 год Бабаджанов служил советником Временного совета, высшего административного органа в орде, и полицмейстером в Ханской ставке. По семейным обстоятельствам на несколько лет покинул государственную службу, проживая в урочище Тургай и на зимовке Эгинкудук. С 1868 по 1871 год работал управляющим Таловской, Торгунской и Калмыцкой частями Внутренней орды.

Умер скоропостижно в начале мая 1871 года. Даже год смерти до недавнего времени был неизвестен. В кадетском корпу-

се он получил весьма основательное образование. Был разносторонне развитым и начитанным человеком. Хорошо знал произведения русских писателей и труды историков Карамзина, Миллера, Голикова, Щербакова. Увлекался музыкой и, по-видимому, играл на органе, так как в посмертной описи имущества числится таковой «из орехового дерева». Из той же посмертной описи имущества узнаем, что в доме Мухамед-Салиха имелся книжный шкаф с застекленными дверцами. На его полках стояли тридцать два тома «Вестника Европы», девять томов «Всемирного труда», три тома «Морского сборника», две книги «Истории цивилизации в Англии» Бокля, сочинения Карамзина, «Материалы для географии и статистики России», подшивка еженедельного журнала «Охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта» и другие издания. Странно, что в опись не внесены издания Русского географического общества, которые высылались ему, как члену-сотруднику, согласно уставу общества в обязательном порядке.

В. В. Григорьев считал его «способным и замечательно развитым человеком». Известный этнограф П. И. Небольсин так писал о Бабаджанове: «...с правильным, не скуластым, но матовым и несколько темноватым лицом, с прекрасными большими глазами и с иссиня-черными волосами, которых он на голове не бреет. Бабаджанов владеет изящной русской речью, говорит бойко и красноречиво, разумеется, когда предмет разговора сильно его затронет, носит казачью форму».

Переломным этапом в жизни М.-С. Бабаджанова стал 1860 год, когда он в составе делегации казахов Оренбургского генерал-губернаторства август месяц провел в Петербурге. За это время побывал в Эрмитаже, Арсенале, Монетном дворе, дворцах, музеях, публичной библиотеке, Ботаническом саду, Академии художеств, Пулковской обсерватории и в других достопримечательных местах столицы. Встречался со многими интересными людьми. Именно тогда произошло знакомство с П. И. Небольсиным. Он побудил Мухамед-Салиха взяться за перо, чтобы знакомить русского читателя с жизнью казахов. С этого времени начинается сотрудничество Бабаджанова с Русским географическим обществом, появ-

ляются его научные публикации в изданиях этого общества и ряде столичных газет. Имеются определенные свидетельства в пользу того, что он встречался в Петербурге с Чоканом Валихановым.

Возвращаясь из Петербурга, Бабаджанов побывал в Москве, прожив там трое суток. Осматривал Кремль, Красную площадь, университет, посетил театр и «вместе со всеми дивился великолепию театрального здания». Своим спутникам Бабаджанов объяснял, что театр «не есть просто забава или игра, а имеет смысл назидательный и полезный для слушателя». О цели поездки в Россию от имени членов казахской депутации он говорил: «Мы должны были вывезти из России что-либо полезное и нужное для народных потребностей в наших аулах».

П. И. Небольсин, после отъезда из Петербурга казахской депутации, опубликовал статью «Путешествующие киргизы», в которой писал, что казахи, в частности члены депутации, являются способными и страстно стремящимися к знаниям людьми, что они озабочены вопросами просвещения своего народа и хозяйственно-культурного развития края. При этом он в первую очередь имел в виду М.-С. Бабаджанова. Против этого утверждения выступил в печати И. И. Железнов. С резкой отповедью к нему обратился М.-С. Бабаджанов, опубликовав в 1861 году в № 138 газеты «Северная пчела» обширную и остро полемическую статью «Апелляция киргиза к публике по поводу статьи «Русского вестника» под заглавием «Киргизомания». В этой статье он писал:

«Пробегаю заглавие статей... «Русского вестника» за минувший ноябрь, я остановил свое внимание на статейке, названной «Киргизомания». Сколько я мог понять, этим словом хотели показать неуместность сочувствия к киргизам. Боже мой! подумал я, чьей голове, на чей взгляд могло показаться неуместным сочувствие к киргизам, к народу, который... далеко отстал на пути просвещения от других потомков Адама... Но я не понимаю и не могу вообразить того русского, которому любовь к киргизам могла бы показаться неуместной или странною: сколько я знаю русских... они всегда и везде обходятся с киргизами кротко, честно и снисходительно». И далее: «Русские сходятся с киргизами очень дружелюбно».

Круг его научных интересов был довольно широк. С особенным вниманием изучал хозяйство казахов, их взаимоотношения с казачеством. В статье «Спор уральских казаков с киргизами Внутренней орды» он осуждает непомерные притязания верхушки казачества на некоторые земли, отведенные в пользование казахам. Небезынтересно отметить, что редакция петербургской газеты «Деятельность» (№ 109, 1868) в этой связи в своей передовице писала: «Всякий просвещенный читатель, вникнув в сущность дела, увидит, что г. Бабаджанов, с его юридическими разъяснениями права, стоит на твердой почве интереса, не личного, даже не собственно киргизского, а общенародного, государственного». Ряд его статей освещал политическую историю Внутренней орды. Непосредственно этому вопросу была посвящена чрезвычайно содержательная статья «Заметка киргиза о житье-бытье и

участи его родичей», которая была опубликована в газете «С.-Петербургские ведомости» (№ 136, 1861) в виде двух писем, одно из которых сообщало о событиях в орде после смерти хана Джангира. Известно, что этот период остается наименее изученным в истории Внутренней, или Букеевской, орды. В этом смысле статья М.-С. Бабаджанова приобретает ценность первоисточника. В статье содержится важная в научном отношении характеристика, деятельности Временного совета, дается весьма обстоятельный анализ социально-экономических и территориально-административных мероприятий и реформ. В архивах сохранились его докладные записки, в значительной мере дополняющие исследования по истории Внутренней орды. Важное место в публикации Бабаджанова принадлежит истории просвещения. Он был сторонником переселения русских крестьян на территорию Казахстана и свидетельствовал, что «киргизы стали осознавать необходимость сближения с русскими в пользу этого сближения». Казахи убеждались, «что русские способны быть... обязательными соседями... начали отдавать им... для обучения своих мальчиков... Между тем и русские не упускали случая прислушиваться к киргизскому слову».

Бабаджанов подводит читателей своей статьи к единственному правильному выводу: в результате хозяйственного сближения двух народов, выиграли и те и другие. А казахи, наравне со всеми другими народами многонациональной России, оказались вовлеченными в орбиту общегосударственных интересов.

Но, пожалуй, наибольшую ценность для науки представляют этнографические наблюдения и сообщения М.-С. Бабаджанова, которые публиковались в различных изданиях и неоднократно обсуждались на заседаниях Совета Русского географического общества, получая лестную оценку. 20 февраля 1861 года Совет Русского географического общества по представлению отделения этнографии избрал М.-С. Бабаджанова в члены-сотрудники. Интересно, что одновременно с ним в один и тот же день был избран и В. В. Стасов — известный деятель русской культуры. А через полтора года Бабаджанову присуждена серебряная медаль. Тогда же этнографическое отделение попросило Бабаджанова, чтобы он выслал в Петербург найденное им каменное изваяние и занялся записыванием «песен и мотивов, которые поются у киргизов при постели больного».

При организации в Москве музея Бабаджанову, «как ближайшему знакомому с бытом ордынцев», поручили составить список предметов, «которые характеризуют быт ордынцев и этнографию края и которые могли бы быть приобретены для музея, с указанием, если возможно, у кого именно можно будет приобрести эти вещи, по какой цене, а равно примерной величины их веса».

В 1862 году этнографическому музею Русского географического общества Бабаджанов прислал один каменный и шесть медных наконечников стрел, найденных в Рын-песках, и точильный брусок на деревянной основе. Изготовлением таких брусков для заточки кос, серпов и ножей занимался казахский умелец.

В своих печатных работах Бабаджанов пытался разъяснить духовную культуру казахов. В этом отношении наиболее интересна его статья «О каменной бабе, найденной в Киргизской степи». Она была опубликована в 1864 году в «Этнографическом сборнике».

«Когда найдена была статуя, — рассказывал Бабаджанов, — то явление это в глазах простодушных киргизов показалось чем-то чудесным. Они даже заподозрили в истукане присутствие таинственных сил и чудесного свойства исцелять недуги, словом к нему уже успели возыметь какое-то набожное уважение. Только мой личный пример неуважения и объяснения киргизам предположения, что это должно быть калмыцкий идол или надгробный памятник, могли их разуверить в неосновательности их догадок. Но мне странно было — как не объяснили им это и как не отвергли суеверного уважения киргизов муллы (магометанские законоучители), которым, говорят, статуя эта была показываема за несколько часов до моего приезда, и они, потолковав около нее между собой, разъехались по домам, чтобы найти ей объяснение в духовных книгах, даже не отвергая зародившегося в окрестных жителях верования в неестественность и чудность явления. Это доказывает, как низка и нетверда степень знания и понятия наших ордынских законододов магометанской религии».

Нужно было обладать большим гражданским мужеством, чтобы вот так публично клеймить невежество мулл и разоблачать их лживость. В этом взгляды Мухамед-Салиха Бабаджанова совпадают с убеждениями его современника Чокана Валиханова, который состоял «в личной вражде с аллахом».

Бабаджанов сокрушался, что простые люди верят муллам. Но эту доверчивость он объяснял абсолютной безграмотностью. У «них нет иного способа дойти до истины в подобных недоразумениях, как обращаясь к муллам. К ним же или к простым знахарям прибегают киргизы для излечения болезней и, вместо надлежащего пособия медицины, получают от них одно отчитывание молитвами, или писаную на лоскутке бумаги, или какие-либо непонятные знаки для ношения на шее больного». Иногда при «лечении» невежество мулл принимало изверские формы. Казахи не могли прибегать к медицинской помощи, так как на 150 тысяч жителей Внутренней орды полагался всего один врач. «Нельзя не заявить сожаления, — писал Бабаджанов, — что примерь, беспомощно погибающих больных людей и скота повторяются перед нашими глазами почти ежедневно».

В его работах также содержатся данные о развивающейся торговле казахов, которая, по мнению автора, является важным средством в сближении русского и казахского народов.

Бабаджанов подробно описывал охоту казахов на волков, байгу, коннозаводство во Внутренней орде. Немалый интерес вызывает оставшаяся неопубликованной статья «Новости о кумызе». «...Кумыз — это наше национальное изобретение. Употребляется как врачебное средство. По самым достоверным медицинским исследованиям найден действительно полезным для поддержания или даже восстановления чело-

веческого здоровья». И в этой связи он предлагает создавать кумысолечебницы на берегах Волги, организовать доставку кумыса железными дорогами и водным путем в отдаленные губернии России.

За три года до своей смерти Мухамед-Салих Бабаджанов получил в оброчное содержание сроком на 70 лет 95 десятин «пустопорожней» земли в урочище Тургай на северо-восточном берегу одноименного озера. Урочище находится в шести-восьми километрах от знаменитого озера Баскунчак. В контракте Бабаджанов изложил, с какой целью ему потребовалась земля. «Занявшись садоводством и огородничеством... я... желал подать собою пример и прочим киргизам.. когда настанут полезные последствия моих занятий, то пример мой не останется без благотворного влияния к приучению и приохочению ордынцев заниматься этою полезною промышленностью». Действительно, за два года на полученном участке земли построил из саманного кирпича обширный дом из семи комнат. На главном фасаде семь окон и парадная дверь, на дворовом фасаде шесть окон и две двери. На торцовых стенах — по два окна. Над домом — деревянный мезонин из одной комнаты с двумя окнами. Крыша тесовая, окрашенная красной краской. Полы в доме деревянные. Двор обнесен забором. Рядом с домом саманный сарай, летняя кухня и баня. Чуть поодаль — каретник, конюшня. За дворовым забором Бабаджанов построил из самана небольшое здание в четыре окна на глазном фасаде. В здании две обширные комнаты, передняя и чулан. Здесь предполагал открыть школу на два класса и обучать своих детей, детей одноаульцев и родственников. Уже был нанят учитель, он и сам намеревался выступать в роли учителя, наставника, инспектора. Но преждевременная смерть, на 39-м году жизни, оборвала начинание. Школа все же была открыта. В 1870 году начал разводить фруктовый сад, для чего в одну из своих поездок, а ездил он много и часто в Новоузенск, Саратов, Астрахань, Черный яр, Енотаевск, в Болхуны, на Владимировскую пристань, в Эльтон и Баскунчак, подрядил в г. Камышине садовника Алексея Петровича Кокушкина. За два года посажено тысяча двести пятилетних саженцев яблонь и груш, четыреста вишен, около тысячи кустов малины и смородины. Сад был обсажен по периметру сосной. Садовник обзывался три года ухаживать за разведенным садом: несколько раз в летние сезоны поливать саженцы. Для этого было вырыто два колодца и построена полужемлянка для жительства садовника.

После смерти Бабаджанова опекунство над его семьей и хозяйством передано братьям его молодой жены Газизы — сотнику Арслан-Гирею Букейханову и Даулет-Гирею Шигаеву. Последний известен в истории казахской музыкальной культуры своими знаменитыми кюями. В память о родственнике и личном друге Даулет-Гирею сочинил трогательный кюй «Салық өлген» («На смерть Салиха»). Усадьба и сад после смерти опекунов перешли в 1888 году в полное распоряжение возмужавшего сына Мухамеджана Салиховича. Из архивных материалов удалось извлечь скудные сведения о том, что Мухамеджан не получил никакого образования, что его мать Газиза

в 1876 году «20 ноября месяца божию волею скончалась», пережив своего мужа всего на пять с половиной лет. Именно из-за ранней смерти родителей Мухамеджан не получил образования. Он продолжал хозяйственное начинание отца — содержал сад силами нанимаемых подрядчиков. На свободных участках у сада подрядчики для своих нужд сеяли хлеб и садили бахчи.

Один из пишущих эти строки в ранние детские годы жил в Тургае. Потом приезжал сюда дважды, уже будучи четырнадцатипятинадцатилетним мальчиком, — это было в первые годы Отечественной войны. Купался в озере, в нем было много раков. Ночевал в бывшем доме Мухамед-Салиха Бабаджанова — в нем жила семья, знакомая родителям. В доме поразили бронзового литья дверные ручки, широкая веранда вдоль дворового фасада дома. Удалось полакомиться зелеными яблоками и грушами. Сохранившийся сад был не столь обширным, как он представляется сейчас по архивным сведениям. Сад не был ухожен и не охранялся. На северном берегу Тургай содержалась большая совхозная плантация огородных культур. На сером фоне уже выгорающей степи четко выделялась голубовато-пепельным цветом капустаная нива. Кочаны только-только завязывались. Блеклая зелень редких плетей огурцов едва отличалась от целинной степи. Темно зеленело поле помидорной ботвы. Солнце неудержимо скатывалось к горизонту, и блики его прыгали на мелкой ряби озера. Зной жаркого дня заметно спал. Пьянящий запах укропа и помидорной ботвы помнился и спустя сорок лет, как и строгий окрик сторожа: «Куда идешь?» Урожаем плантации пользовались жители окрестных селений. Каждую осень сюда приезжал отец для закупки капусты и помидоров под засол.

Наверное, тогда старики еще помнили имя основателя их поселка и пионера хозяйственного освоения «пустопорожного» урочища Тургай. Оно превратилось в зеленый оазис полупустынной территории бывшего Урдинского района.

Теперь мы можем обоснованно говорить, что Мухамед-Салих Бабаджанов своим начинанием по разведению фруктового сада и созданием собственной усадьбы по европейскому образцу сумел приобщить родственников к оседлости, а землякам подать наглядный пример.

Главной деятельностью Тургайского совхоза было племенное коневодство. До Отечественной войны он поставлял для Красной Армии строевых коней. На конезавод не раз приезжал для инспектирования и

строгого отбора коней Семен Михайлович Буденный. Устраивались скачки.

Из архивных документов известно, что у Мухамед-Салиха Бабаджанова в 1864 году имелось 140 лошадей, а через семь лет поголовье удвоилось. При разведении лошадей он опирался не только на народный опыт. Следил за научной литературой, выписывал периодические издания «Коневодство» и «Журнал охоты». В последнем часто появлялись статьи об опыте разведения лошадей в различных регионах России. В трех номерах этого журнала Бабаджанов опубликовал в 1871 году статью «Лошади и их испытания во Внутренней Киргизской степи». Судя по статье, он был отличным знатоком лошадей, занимался улучшением их породы. Не скупился покупать перспективных маток и производителей. Например, в 1870 году приобрел за 200 рублей молодую кобылу, давшую на скачках наилучшие результаты. Во Внутренней орде у Ханской ставки или на Ахунском хуторе (недалеко от современной станции Сайхин железной дороги Астрахань — Саратов) ежегодно проводились скачки, организуемые по указанию властей. Бабаджанов был неизменным участником. Представлял лучших лошадей своего завода. Так, на призовые скачки 22 мая 1868 года привел двух жеребцов и одну кобылу. Она взяла четвертый приз. Но Бабаджанов был недоволен, считая, что недостаточно хорошо подготовил кобылу для скачек. Разведение скаковых лошадей для него не являлось занятием скучающего сноба, а было источником содержания семьи. Лучших лошадей продавал воинским заготовителям, а выбракованных — жителям приволжских селений как рабочий скот. Свои табуны тебеневал на берегах Узени и озера Баскунчак. Иногда арендовал у крестьянских обществ Болхунской волости участки Волго-Ахтубинских займищ для зимнего выпаса. Часть лошадей содержал у стойла. По примеру европейских коннозаводчиков занимался сенокосением, что было тогда редкостью у казахов. Запасал сено на зиму.

В выборе урочища Тургай местом разведения племенных коней, конечно, усматривается несомненная связь с начинанием Мухамед-Салиха Бабаджанова.

Если практические начинания Бабаджанова не были замечены в свое время и даже оставались неизвестными, то его научные труды были признаны и высоко оценены современниками. Своей деятельностью, научными и публицистическими статьями он внес весомую лепту в укрепление и развитие многовековой дружбы русского и казахского народов.